

Мы не должны дать заглухнуть молодым культурным росткам, но открыть им широкую возможность расти вширь и вглубь, чтобы, наконец, крепкое дерево старообрядчества раскинуло на свободѣ свои сильныя и прекрасныя вѣтви.

Будемъ же вѣрить и надѣяться, что это время придетъ и оно близко.

Въ старообрядствѣ и раньше были попытки культурно-просвѣтительной работы. Но какъ часто отдѣльные работники на этомъ поприщѣ, подъ гнетомъ тяжелыхъ внѣшнихъ условій и внутреннихъ неудачъ, готовы были безсильно опускать руки, готовы были считать свое дѣло бесплодной Сизифовой работой. И вотъ нынѣ, видя выросшіе на смѣну имъ многочисленные ряды старообрядческой интеллигентной молодежи, преисполненной жаждою общественной и культурной работы въ старообрядствѣ, эти, уже начавшіе уставать старые работники, пионеры культурно-просвѣтительнаго дѣланія въ старообрядствѣ, могутъ облегченно вздохнуть и сказать: „Нынѣ отпускаеши“, черпая утѣшеніе въ томъ, что ихъ труды не пропали бесплодно.

Позвольте, гг., мнѣ, первому въ Россіи учителю-старообрядцу первой старообрядческой министерской школы, открытой въ 1889 году въ дер. Поповой Нижегородской губерніи, привѣтствовать васъ съ началомъ вашей, долгожданной старообрядчествомъ культуно-просвѣтительной работы и пожелать нашему обществу благополучія и успѣховъ на пользу и процвѣтаніе нашего родного, нашего дорогого, нашего милаго старообрядчества.

Къ старообрядческой интеллигенціи *).

„Старообрядческое Культурно-Просвѣтительное Общество имѣетъ цѣлью пробужденіе интереса къ изученію прошлаго и настоящаго старообрядчества, его исторіи, литературы, быта, искусства“.

§ 1, ст. 2 устава Общества.

Открытие дѣятельности нашего Общества совпало съ переживаемой нами великой европейской войной, которую русскій народъ можетъ съ полнымъ правомъ назвать освободительной. Мы повсюду слышимъ рѣчи о необходимости внутренняго духовнаго освобожденія русскаго народа, о необходимости изгнанія „внутренняго нѣмца“, цѣпко вклевшившагося во всѣ поры русской общественной, государственной и даже духовной жизни. Развитие русской культуры, возрожденіе національной мысли—вотъ задача, поставленная предъ русскимъ народомъ переживаемыми историческими событіями.

*) Докладъ і общему собранію Старообрядческаго культурно-просвѣтительнаго общества въ Москвѣ.

Наше Общество, открывая свою дѣятельность въ настоящее время, должно наравнѣ съ прочимъ русскимъ народомъ итти къ разрѣшенію поставленныхъ нашей родиной трудныхъ и сложныхъ задачъ. У каждаго общества, сообразно его составу, характеру цѣлей, должны быть свои средства и пути къ разрѣшенію нашихъ историческихъ задачъ; каждое общество, не измѣняя самому себѣ и своимъ основнымъ цѣлямъ, должно слиться въ общемъ стремленіи русскаго народа къ полному внутреннему освобожденію.

У нашего же старообрядческаго общества кромѣ этого общаго соображенія о необходимости направить свою настоящую дѣятельность къ достиженію цѣлей и рѣшенію задачъ, поставленныхъ переживаемой войной, есть свои особыя *историческія* причины.

Старообрядчество съ самаго начала нѣмецкаго вкорененія на русской землѣ было неизмѣннымъ и вѣрнымъ борцомъ за чистоту русскаго имени, за сохраненіе русскаго духовнаго лица и русской духовной свободы. Эту заслугу за старообрядчествомъ признаютъ даже его противники.

Наши дни можно смѣло назвать днями торжества старообрядческихъ идей. Что ранѣе защищалось только старообрядцами и немногими свободными мыслителями, бывшими всегда почти непонятыми и одинокими исключеніями въ общей массѣ русской интеллигенціи, теперь признается всѣми слоями населенія, кончая правительствомъ, какъ неотложная и основная задача русской общественной жизни.

Основная задача — духовное, внутреннее освобожденіе не можетъ быть разрѣшено однимъ изгнаніемъ „внутренняго нѣмца“; это изгнаніе есть лишь первый шагъ къ разрѣшенію задачи, и если ограничиться только имъ, мы не будемъ имѣть гарантіи въ томъ, что въ будущемъ, и, можетъ быть, недалекомъ, изгнанный сторяча нѣмецъ вновь незамѣтно проберется на свое, въ теченіе 250 лѣтъ насиженное мѣсто. И будетъ послѣдняя бѣда горше первой, и во что тогда обратятся всѣ теперешнія нечеловѣческія жертвы, приносимыя русскими людьми?

Чтобы оградить русскіе сердце и умъ отъ возможности вражескаго вторженія, намъ необходимо приступить къ созиданію нашей собственной, родственной намъ по духу, направленію и началамъ культуры. Только создавши собственную культуру, мы можемъ свободно, безъ опасенія подпасть подъ вліяніе и безотчетное восхищеніе чуждой намъ по духу западно-нѣмецкой культуры, относиться къ западно-европейской культурѣ. Только тогда мы дѣйствительно можемъ пользоваться ею для достиженія собственныхъ цѣлей и не ставить ее на мѣсто, ей по праву не принадлежащее. Національная русская культура нужна русскому народу не для того, чтобы отгородиться отъ прочаго человѣчества рогатками и застыть въ сознаніи своей непорочной обособленности, нѣтъ, намъ нужна своя культура, выросшая изъ нашей почвы и прошедшая чрезъ наше русское сердце для того, чтобы вступить въ міръ полноправнымъ вкладчикомъ и

хозяиномъ, а не просителемъ и должникомъ. Я позволю себѣ повторить слова И. В. Кирѣевскаго, которыми русскій мыслитель прекрасно опредѣлилъ взаимоотношеніе русской, православно-христіанской образованности къ западно-нѣмецкой учености.

„Древне-русская, православно-христіанская образованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія, и создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному,—эта образованность, которой слѣды до сихъ поръ сохраняются еще въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи прежде, чѣмъ могла принести прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ. На поверхности русской жизни господствуетъ образованность заимствованная, возросшая на другомъ корнѣ. Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не единственная, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ русской землѣ. Потому примиреніе обѣихъ образованностей въ такомъ мышленіи, котораго основаніе заключало бы въ себѣ самый корень древне-русской образованности, а развитіе состояло бы въ познаніи всей образованности западной и въ подчиненіи ея выводовъ господствующему духу православно-христіанскаго любомудрія,—такое примирительное мышленіе могло бы быть началомъ новой умственной жизни въ Россіи и—кто знаетъ?—можетъ-быть, нашло бы отголоски и на западѣ, среди искреннихъ мыслителей, безпристрастно ищущихъ истины“ *).

Какимъ же путемъ И. В. Кирѣевскій думалъ освободить русскую жизнь отъ вреднаго вліянія иноземной образованности? На этотъ вопросъ И. В. Кирѣевскій отвѣчетъ такъ: „Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія христіанскаго, былъ бы, конечно, тотъ, чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія“ **).

Философію можно опредѣлить не только какъ синтезъ науки, но и какъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ тотъ или иной народъ смотритъ на міръ Божій. Старообрядчество многими изслѣдователями***) признается какъ концентрированное выраженіе духовнаго русскаго облика, и когда мы признаемъ это положеніе, намъ будутъ понятны и ясны тѣ основы, на которыхъ И. В. Кирѣевскій предполагалъ создать „самобытное мышленіе“, самостоятельную русскую культуру. Развитіе тѣхъ основныхъ истинъ, которыя выска-

*) Полн. собр. сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, стр. 267.

**) Тамъ же, стр. 270.

***) Шаповымъ, Андреевымъ, Гакстгаузеномъ, Уоллэсомъ и др.

заны въ писаніяхъ св. отцовъ Церкви, дасть народу русскому философію свободную и вполнѣ отвѣчающую складу русскаго ума и русскаго сердца. „Но любомудріе св. отцовъ, оговаривается И. В. Кирѣевскій, представляетъ только зародышъ этой будущей философіи, которая требуется всею совокупностью современной русской образованности,—зародышъ живой и ясный, но нуждающійся еще въ развитіи и не составляющій еще самой науки философіи *).

Какими же данными необходимо обладать, чтобы приступить къ созиданію русской самобытной философіи, и не должно ли это дѣло ждать появленія особаго геніальнаго ума, которому суждено создать систему русской философіи?

Отвѣтъ на эти вопросы и поясненіе къ нимъ мы находимъ у того же И. В. Кирѣевскаго: „Для развитія этого самобытнаго православнаго мышленія не требуется особой геніальности. Напротивъ, геніальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины. Развитіе этого мышленія должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ людей вѣрующихъ и мыслящихъ, знакомыхъ съ писаніями св. отцовъ и съ западною образованностью“ **).

Я далекъ отъ самоувѣренной мысли, что наше общество, приступивъ къ работѣ, сполна разрѣшитъ задачу созданія русской философіи, но полагаю, что мы не только можемъ, но и должны вступить на путь, ведущій къ разрѣшенію задачи, поставленной предъ русскимъ народомъ переживаемыми событіями. Среди насъ есть лица, прошедшія или проходящія высшую школу и, слѣдовательно, съ „западною образованностью“, по выраженію И. В. Кирѣевскаго, болѣе или менѣе знакомыя; затѣмъ само наименованіе „старообрядецъ“ предполагаетъ человѣка религиозно-вѣрующаго и мыслящаго; такимъ образомъ, остается еще одно требованіе, безъ выполненія котораго нельзя приступить къ творческой работѣ въ области самобытной русской культуры: знакомство съ твореніями св. отцовъ. При прохожденіи средней школы и высшей послѣднее требованіе не удовлетворяется, и, говорю по собственному опыту, кромѣ болѣе чѣмъ краткаго курса богословія отъ высшей школы я ничего не получилъ. Этотъ крупный недочетъ въ нашемъ умственномъ развитіи предоставляется пополнять каждому вполнѣ самостоятельно и внѣ стѣнъ высшей школы. Знакомство съ твореніями св. отцовъ тѣмъ болѣе необходимо намъ, старообрядцамъ, прошедшимъ высшую школу, чтобы съ честью носить названіе старообрядца и быть достойнымъ нашихъ предковъ, полагавшихъ святоотеческія творенія во главу угла своего міропониманія.

Обращаясь къ тѣмъ, кто находитъ необходимымъ и имѣетъ желаніе работать по выясненію основъ русской культуры, я предлагаю поручить

*) И. В. Кирѣевскій, стр. 270.

**) Тамъ же, стр. 270.

совѣту общества организовать курсы или кружокъ, въ зависимости отъ количества лицъ, желающихъ принять участіе въ изученіи твореній св. отцовъ, а также и религіозно-философской литературы нашего времени; общее же руководство вышеназванными занятіями предлагаю собранію просить принять на себя Θεодора Еѳимовича Мельникова, общепризнаннаго знатока святоотеческой литературы.

Наше общество, между прочимъ, имѣетъ цѣлью пробужденіе интереса къ изученію прошлаго и настоящаго старообрядчества, его исторіи, литературы, быта, искусства.

Мы, старообрядческая молодежь, получившая возможность поступить въ среднюю школу и потомъ въ высшую, обязаны этимъ, главнымъ образомъ, нашей родной старой вѣрѣ. Большинство изъ нашихъ родителей сумѣло подняться изъ общей народной массы, создать извѣстное матеріальное положеніе, часто имѣя одну лишь опору—старую вѣру. Послѣдняя создала общеизвѣстный русскій типъ, энергичный, смѣлый въ жизненныхъ начинаніяхъ, типъ, нерѣдко изображавшійся и въ нашей изящной литературѣ. Старообрядческая интеллигентная молодежь должна прежде всего, изъ чувства сыновняго долга, обратиться къ серьезному и всестороннему изученію той святой и великой силы, отъ которой она такъ много получила.

Профессоръ Н. Ѳ. Каптеревъ въ своемъ отзывѣ о задачахъ старообрядческаго института замѣтилъ: „...думаю, что старообрядчество нуждается... въ самостоятельномъ строго-научномъ, безпристрастномъ изученіи старообрядчества самими старообрядцами“ *).

Безпристрастное и научное изслѣдованіе старообрядчества, производимое въ соотвѣствіи съ требованіями современной исторической науки и религіозно-философской мысли, имѣетъ большое, обще-научное значеніе. Предстоитъ путемъ серьезныхъ, научныхъ изслѣдованій показать всю вздорность различныхъ басенъ о „невѣжественности раскола“, его мнимой косности и несомѣстимости съ требованіями культуры и просвѣщенія. Многія изъ подобныхъ басенъ, къ нашему прискорбію, получили права гражданства даже въ серьезныхъ трудахъ нашихъ историковъ, не говоря уже о литературѣ, предназначенной для широкой публики, о различныхъ энциклопедическихъ словаряхъ, справочныхъ изданіяхъ и тому подоб. Затѣмъ, даже спеціалисты-богословы почти или совсѣмъ незнакомы съ догматико-религіозными взглядами писателей-старообрядцевъ. Въ правовомъ отношеніи старообрядцы за послѣднее время до извѣстной степени уравнены съ прочими гражданами государства, въ области же общественной, научно-культурной жизни они продолжаютъ оставаться обособленной колоніей, о которой можно рассказывать что угодно и какъ угодно.

*) „Старая Русь“ 1912 г. № 1.

Извѣстный писатель по церковнымъ вопросамъ Т. И. Филипповъ возмущается такимъ отношеніемъ къ старообрядчеству, его литературѣ, быту: „Меня всегда возмущало наше легкомысленное отношеніе къ ученымъ изслѣдованіямъ раскольническихъ писателей, которыхъ мы, съ легкой руки Θεοφана Прокоповича, привыкли обзывать огуломъ „тупыми и грубыми сумасбродами, и единой части христіанскаго исповѣданія не знающими, но токмо обманю простого народа чреву своему служащими, сущими афеистами, прямыми безбожниками“, и которые между тѣмъ нерѣдко удивляютъ безпристрастныхъ читателей обширною начитанностью и необыкновеннымъ прилежаніемъ въ своихъ изысканіяхъ, и которые, прибавлю того же самаго Θεοφана, умѣли поставить *au pied qu' mur*“ *).

Не заслужимъ же и мы, старообрядческая молодежь, осужденія за „легкомысленное отношеніе“ къ духовному наслѣдію нашихъ предковъ.

Для значительнаго количества нашихъ членовъ, состоящихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, работы по старообрядчеству имѣютъ и чисто-практическую положительную сторону: по учебному плану нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній (напр., московскаго коммерческаго института) отъ студента требуется обязательное представленіе двухъ письменныхъ работъ, причемъ въ выборѣ темы предоставлена полная свобода. На оцѣнку работы имѣютъ вліяніе и выборъ болѣе живой, мало затасканной темы, качество матеріала, подвергшагося разработкѣ при составленіи работы и, главнымъ образомъ, цѣнится способность критически разобрать въ сыромъ матеріалѣ, привести его въ систему, и проявленіе при этомъ собственной оригинальной мысли. Послѣднее, конечно, необходимымъ условіемъ не ставится. Если бы кто изъ членовъ нашего общества пожелалъ связать свою студенческую работу съ вопросомъ о старообрядствѣ, то при желаніи въ его распоряженіи будетъ богатый, мало изслѣдованный матеріалъ.

Работа, будучи опубликована путемъ печати, даетъ автору большой плюсъ при оцѣнкѣ ея профессурой.

Основное затрудненіе при работѣ по старообрядчеству заключается въ сравнительной трудности ориентироваться въ безконечно богатой, но, къ глубокому сожалѣнію, пока мало систематизированной литературѣ.

Весьма плохо обстоитъ дѣло съ библиографіей старообрядчества. Кромѣ библиографическихъ указателей Сахарова, Пругавина и недавно вышедшаго Дружинина (по ранней старообрядческой письменности) трудно указать болѣе или менѣе цѣнный трудъ въ этой области. Послѣднія десятилѣтія совсѣмъ не вошли ни въ одинъ изъ трехъ упомянутыхъ указателей, которые, по признанію одного изъ авторовъ (А. Пругавина), не отличаются большой полнотой, и въ которыхъ „найдется немало разнаго рода пробѣловъ“.

*) Т. Филипповъ. „Современные церковные вопросы“, стр. 259 и слѣд.

Культурная жизнь старообрядчества за послѣднее десятилѣтіе развивалась весьма быстро и накопилось немало сырого литератураго матеріала, разобратся въ которомъ представляетъ не малый трудъ.

Въ цѣляхъ пробужденія интереса къ изученію старообрядчества и облегченія ознакомленія съ обширной литературой по данному вопросу настоящимъ предлагаю собранію поручить совѣту учредить особую комиссію для составленія библиографическаго указателя литературы старообрядческой и о старообрядествѣ за послѣднія десятилѣтія, начиная приблизительно съ того года, какимъ закончены указатели Сахарова и Пругавина.

Работа по составленію библиографическаго указателя страшно кропотливая, на это не слѣдуетъ закрывать глаза, требующая усидчивости и терпѣнія, но въ то же время эта работа допускаетъ участіе въ ней нѣсколькихъ лицъ.

Если собранію будетъ угодно принять мое предложеніе, прошу всѣхъ, чьему сердцу близко будущее нашего родного старообрядчества, откликнуться на настоящее предложеніе и оказать посильную помощь.

И. Кирилловъ.

Что препятствуетъ принятію Евангелія?

Если мы присмотримся внимательнѣе къ окружающей жизни, то увидимъ, что люди, двигая мощную колесницу прогресса, часто гибнутъ подъ ея всесокрушающими колесами. Мы увидимъ, какъ эти люди въ поискахъ истины находятъ или суррогаты ея или же ничтожныя крупинки, которыя, какъ капли росы подъ солнечными лучами, быстро улетучиваются среди шумной суеты жизни.

И снова подъ грохотъ прогресса вырывается изъ глубинъ человѣческой души то тяжелый стонъ, то безбрежная тоска...

Каждая личность хочетъ осмыслить свою жизнь, хочетъ, чтобы пѣснь ея, соединясь съ пѣснью другихъ, мощной волной звуковъ разливалась кругомъ... Но стоитъ лишь оглянуться ей, какъ увидить она свое полное одиночество и это-то одиночество заставляетъ бросать свой старый путь и искать новыхъ.

Отличительной чертой нашего времени является безыдейность, отсутствіе стойкости человѣческихъ воззрѣній. Посмотрите кругомъ и вы увидите, что я правъ. Развѣ текущія событія, событія, при которыхъ люди, забывъ все, бросились лишь въ одну сторону взаимнаго уничтоженія, не говорятъ объ этомъ? Да и самый фактъ вооруженнаго мира, каждую минуту готоваго разразиться громаднымъ заревомъ войны, не говоритъ ли вамъ объ отсутствіи идеи жизни и о постоянномъ витаніи надъ человѣчествомъ темнаго силуэта неестественной смерти?